

ВСТРЕЧИ С ЛЮДЬМИ ИСКУССТВА

РОДНИК ВДОХНОВЕНИЯ

С НЕЙ трудно встретиться. Вернется из поездки — и снова собирается в дорогу. А мне так хотелось, чтобы она, как бывало, возвращаясь из своих гастрольных турне, разложила бы на столе фотографии, взяла карандаш, бумагу и, по ходу дела наброски, стала рассказывать о поездке.

И тут она всегда раскрывалась как актриса, художник, человек тонкий и наблюдательный. Многосторонни и широки интересы, увлекателен мир певички, народной артистки СССР Ирины Архиповой.

Но что поделать, если жизнь ее почти всегда «на колесах», в репетициях, занятиях, спектаклях?

Прошлым летом группа уезжала на отдых, она — на Рижское взморье. Только можно ли назвать это отдыхом? Вместо того, чтобы спешить к морю, радоваться солнцу, Архипова ездила за много километров в город на уроки к концертмейстеру Рижской оперы — готовила партию в «Трубадуре». Не успела появиться в Москве, как надо было лететь в Японию на «ЭКСПО-70».

А из Японии ее торопил в Москву все тот же «Трубадур», работа над партией Азучены, которую она исполнила потом в Рижском академическом театре оперы и балета. Потом — поездка через океан в США, чтобы принять участие в праздновании 25-летия ООН, спеть партию в Девятой симфонии Бетховена. И опять спектакли теневого репертуара Большого театра.

Снова и снова дороги — гастролы по городам Урала. Спектакли. Концерты. Занеманивала новую запись — три пластинки с ариями и дуэтами. Раздавала «долги» слушателям — абонементные вечера в Киеве, Ленинграде, Риге, Москве. И уже дома — работа над программой из музыки прошлого. И прибавьте к этому занятию с молодыми певцами, участие в жюри многих вокальных конкурсов...

В середине июня в Вильнюсе Ирина Архипова председательствовала в жюри Всесоюзного конкурса имени Глинки. Потом снова уехала в Ригу (по традиции — исполнение «Ревюема» в Домском соборе, абонементный концерт).

НАДО ОБЛАДАТЬ поразительной работоспособностью, чтобы выдержать подобную вокальную, сценическую и просто физическую нагрузку, надо уметь точно распределять свои силы, чтобы всегда быть в отличной форме.

Конечно, есть великолепные голоса, так сказать, «от природы». Слушать их — наслаждение. Но для настоящего художника просто петь красиво — все-таки мало. Не только совершенная музыкальность, но и глубина чувств, мыслей, тонкое понимание стиля композитора, свое личное, выношенное, страданное, темперамент и эмоциональность выделяют Ирину Архипову среди крупнейших вокалистов нынешнего времени. Обладая красивым меццо-сопрано, она поражает не только высокой музыкальной культурой и мастерством, но и силой образной мысли.

Эту особенность творческого почерка «думающей» певички не раз отмечала советская и зарубежная музыкальная критика. Именно это имел в виду известный итальянский певец Марио дель Монако, ее партнер по спектаклю «Кармен», назвав ее самой лучшей из всех современных исполнительниц заглавной партии этой оперы.

Кармен поют многие известные певички. Часто они говорят со сцены о непостоянной в любви «коварной» цыганке, готовой «сломать» не одну жизнь. А Кармен у Ирины Архиповой? Нет, не коварная соблазнительница, не ветреное непостоянство — на сцене чистая и любящая Кармен. Кармен земная, радующаяся, любящая, любимая. Кармен возвышенно одухотворенная, слов-

но светящаяся изнутри от чистоты нахлынувших на нее чувств («А разве может быть иначе, — говорит певичка, — когда музыка у Бизе прозрачно чистая. И проза у Мериمة такая же».).

В последнем действии к воротам арены, где гудит коррида, выходит она, как невеста, в белом платье, с алыми розами в руках. Невеста — да в трауре: в черной наклее. Непокорная, несломленная, идет она на смерть, отстаивая право любить. И рядом с такой Кармен жалким в своей эгоистической любви, способной предать и дом, и землю, и любимую, предстает Хозе.

Амнерис в «Аиде», Марина Мнишек в «Борисе Годунове», Элен Безухова в «Войне и мире», Эболи в «Дон Карлосе», Любовь в «Мазепе», Нилевна в «Матери», Весна в «Снегурочке», Варвара в опере «Не только любовь»...

СПРАШИВАТЬ у певички о самых любимых сценических образах почти то же, что у матери — о любимых и нелюбимых детях. Таких нет — в каждый вложена часть души, сердца: каждому передано выстраданное, передуманное. А их было много за пятнадцать лет работы в Большом театре. И все-таки можно сказать, что ее характеру особенно близки Марфа («Хованщина» Мусоргского), Иоанна («Орлеанская дева» Чайковского), Кармен («Кармен» Бизе) и Комиссар («Оптимистическая трагедия» Холминова). Впрочем, кажется, что общего у образа Комиссара с предшествующими?

— А вот представьте, есть, — говорит Ирина Константиновна, — Лариса Рейснер, которая была прообразом Комиссара, как бы вобрала многие черты моих прежних героинь. Но особенно близки мне ее принципиальность, преданность революции, ее готовность пожертвовать личным во имя революции, во имя любви к социалистической Родине...

Это о толковании образа, о сути его. Но ведь именно в «Оптимистической трагедии», как ни в каком другом оперном спектакле, важно то, что говорит певичка образом Комиссара сегодняшнему зрителю, особенно молодому, который в большей своей части знает о революционном времени по книгам да по рассказам старших. Я спрашиваю об этом ее. И слышу в ответ:

— Хочу заставить задуматься о нас самих, о том, как мы бываем порой эгоистичны и заняты собой. Напомнить о принципиальности, бескорыстии. И, главное, о неумении волевого характера революционера. Хочу напомнить об этом человеку наших дней, которому до всех и до всего должно быть дело.

Еще одно качество у каждого образа, созданного певичей: продуманность, фундаментальность. Здесь мно-

гое от того, что когда-то Архипова окончила Архитектурный институт, четыре года работала в проектной мастерской архитектором, одновременно занимаясь по классу вокала в Московской консерватории. По ее проектам выросли на Ярославском шоссе здание финансового института, хозяйственные постройки МГУ на Ленинских горах...

И не только в трактовок образов, но и в том, как строит певичка каждый концерт, чувствуется рука архитектора — ее умение выстраивать программу в деталях и в целом. Вспоминается мне один ее концерт. Легко и свободно владела певичка зрительным залом, прекрасно сознавая, чего она хочет от него в каждую данную минуту.

Были в программе произведения Генделя. Ими часто открывают вокальные вечера. Но у Архиповой звучал какой-то совершенно другой Гендель — мужественный в печали и радости. Он настроил нас, слушателей, на серьезный лад, задел в наших душах «басовые струны». А певичка «повела» всех дальше — зазвучала радостно-красивая музыка Листа. А затем «ввела» в мир, полный драматических взрывов «Миньона» Гуго Вольфа. Так певичка подготавливала зал к восприятию сложной, мудрой и тонкой музыки Брамса, где были все эти регистры красок — и мужественность, и просветленная радость, и драматические порывы.

...Просто не верится, что когда-то несколько раз подряд она пробовалась в Большой театр и еще однажды в Театр оперы и балеты имени С. М. Кирова в Ленинграде. Ее не принимали. Тогда она уехала в Свердловск, где не было ни одного знакомого, но был оперный театр, где можно было много работать над собой. В предельно короткий срок она спела несколько интересных партий, и через полтора сезона была принята в Большой. Дебют этот состоялся в опере «Кармен» — в апреле 1956 года.

Наверное, от того, что все это — и первые неудачи, и обиды, и дружеская поддержка — пережито было ею самой, как-то особенно внимательно и тепло относится она к творческой молодежи.

ИСКУССТВА вечный поиск ведет Архипову вновь в дорогу. Жадно впитывает она впечатления жизни, наблюдает, ищет, отбрасывает, «колдует» с карандашом и листом бумаги (нет, живет в ней архитектор! — ничто не может пройти у художника в жизнь даром)... И черпает из родниковых источников нашей яви, из встреч с людьми и силу, и вдохновение, и радость!

А. КУРЖИЯМСКАЯ.